

УДК 94(47).084.1

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-323-335

«НЕЮБИЛЕЙНАЯ» КНИГА**В.В. Зверев**

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия, v.v.zverev@bk.ru

«История антропологична, а не политична.
Российская – в особенности.
А потому надо научиться воспринимать
прошлую и нынешнюю эпоху через ее людей,
сколько бы наивными и нелепыми ни казались
их устремления и поступки»

*(Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.
Война, породившая революцию.
М.:Новый хронограф, 2015. С. 696)*

В статье анализируется монография В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой «Война, породившая революцию», которая по своему содержанию и исследовательской направленности разрушает сложившиеся историографические мифы о Великой российской революции. Проведя историко-антропологическую деконструкцию старых и новых представлений, авторы создали многоплановое и многоаспектное исследование проблемы психологии восприятия войны различными слоями российского общества. Авторы рассматривают войну и революцию как острейшее проявление глобальной психопатологии, к которой пришла эпоха Просвещения, закончившаяся мировым катаклизмом. Исследовательские подходы основываются на теории ресентимента (подспудно накапливающейся агрессивности внутри «прогрессирующего» общества).

Ключевые слова: Первая мировая война, Великая российская революция, теория ресентимента, власть, политические партии, народные массы

Введение. Вышедшая накануне 1917 г. монография известных отечественных исследователей никак не может быть отнесена к категории юбилейной литературы, которой, чего греха таить, присуще механическое перечисление устоявшихся и отшлифованных временем историографических мифов. Напротив, она *антиюбилейна* по своему содержанию и направленности.

Трудно отыскать в современной российской историографии столь откровенно «провокационную» – в хорошем смысле слова – книгу, хотя в западных исследованиях подобный способ привлечь внимание к той или иной теме или проблеме давно является научной нормой.

О предпосылках мировой войны и русской революции написано громадное число сочинений самого различного уровня и объема. Авторы откровенно дистанцируются от всей их массы. Начиная с вызывающе-нарочитого эпиграфа, книга посвящена всевозможным – большим и маленьким – «дуракам истории», а равно и пассивно следующим за ними историографам. Действительно, история войн и революций присутствует в исторической памяти как набор всевозможных легенд и фантазий, постоянно сочиняемых и воспроизводимых людьми по причине невозможности разобраться в причинах и масштабах произошедшего. На этом фоне процветает соответствующее пропагандистское вранье. И эта псевдоисторическая «свистопляска» продолжается целое столетие.

Исследование проблемы. Сделав такой авантюрный заход, авторы меняют тон на вполне академичный. Они вовсе не рассчитывают на очередную публицистическую «сенсацию». Предложенные в книге идеи и приемы исследования проводятся ими последовательно и неуклонно. Набившим оскомину всякого рода штампам и стереотипам авторы противопоставляют многоплановое и многоаспектное исследование проблемы психологии восприятия войны различными слоями российского общества. Именно сфера психологии становится той точкой, в которой происходит пересечение и переплетение проявлений хозяйственной практики, быта, нравов, элементов духовной жизни.

Новизна подхода проявляется не только в анализе, но и в синтезе, в основу которого положена полидисциплинарность, где соединяются и традиционные научно-исторические методы, и методы смежных наук. Все это дает возможность вывести сделанные выводы на уровень выявления закономерностей событий, происходивших на 1/6 части земного шара. Нетривиальная стилистика изложения придает выводам авторов дополнительную убедительность¹.

Совершенно очевидно, что в основе книги лежит давнее и настойчиво реализуемое намерение В. Булдакова пересмотреть как историю революции 1917 г., так и ее последствия, основываясь на анализе социологически трудноуловимой, в том числе и «тонкой» материи исторического бытия. Русская революция, как и вся «кризисная» российская история, – это явление не политическое, а синергетическое. Параллели с Великой Французской революцией – некорректны, ибо основываются преимущественно на внешнем сходстве. Со-

¹ Язык работы блестящ, а некоторые из фраз претендуют на статус афоризмов. Достаточно перечислить некоторые из них: «В России власть не свергают. Ее добивают после того, как она уже полуразвалилась от собственной глупости», «Миром управляют идеи. Россией – лозунги», «В России всякая власть имеет обыкновение моментально обрастать клерками и даже почитателями» [1, с. 434, 478, 666].

временники русской революции 1917 г. постоянно сравнивали ее со Смутным временем, тогда как исследователи революции во Франции от аналогичных экскурсов в прошлое воздерживались.

В известной степени этот подход направлен против привычных позитивистских методов исследования [2, с. 31–46; 3, с. 3–17; 4, с. 5–27; 5, с. 53–63; 6, с. 20–35; 7, с. 101–111], то и дело пасующих перед дилетантскими фантазиями [8, с. 24–33; 9, с. 98–115; 10, с. 35–43; 11, с. 11–12]. Для решения этой задачи в книге впервые привлекается не только светская, но и церковная история. Благодаря Т. Леонтьевой, одной из первых заговоривших о предреволюционных нестроениях в духовной жизни [12; 13, с. 29–43; 14; 15, с. 495–516; 16, с. 582–603; 17, с. 18–56; 18, с. 693–700], соответствующие сюжеты органично вводятся в динамичный нарратив.

Историко-антропологическая деконструкция старых и новых представлений о революции, действительно, настоятельно необходима. Частично она уже осуществлялась одним из авторов данной книги [19, с. 5–27; 20, с. 54–65]. Но на чем базировались привычные историографические заблуждения? Авторы дают понять, что историю возникновения Первой мировой войны не стоит рассматривать только в рамках империалистической геополитики, представления о которой основывались преимущественно на политико-экономических представлениях эпохи Просвещения. Действительно, даже Дж. Гобсон в 1902 г. смотрел на события шире своих последователей (включая В.И. Ленина). Так, он подчеркивал, что его исследование «определенно относится к области социальной патологии, и потому в нем не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга» [21, с. 17]. Авторы, со своей стороны, рассматривают войну и революцию как острейшее проявление глобальной психопатологии, к которой закономерно пришла эпоха Просвещения, фактически закончившаяся мировым катаклизмом.

Слов нет, заявления такого рода смотрятся не только вызывающе, но и самонадеянно, особенно если учесть, что экономико-детерминистические представления об истории в наше время переживают своего рода Ренессанс. Более того, они стали подпоркой всевозможных конспирологических теорий. Как бы то ни было, аргументация авторов книги, вольно или невольно противостоящая детерминистам, смотрится весьма убедительно. Она основывается на теории ресентимента (подспудно накапливающейся агрессивности внутри «прогрессирующего» общества). В свое время об этом писал Ф. Ницше, затем его идеи развил М. Шелер, но в целом они остались незамеченными в силу тогдашних «самообольщений прогресса». Стоило бы заметить, что современные российские социологи уже взяли эти идеи на вооружение.

Психопатология европейского мира, по мнению авторов, была связана с двумя главными факторами, определившими его развитие с середины XIX в.: демографическим бумом и колоссальным развитием технологий. «Омоложение» населения привело к перенасыщению социумов юношеской деструктивностью; правители вложили в руки молодежи разрушительное оружие ради

защиты традиционно понимаемых национальных интересов, а социалисты предложили ей свои «научные» утопии. В связи с развитием визуальных средств информации возросла «иллюзорность» массового сознания. В конечном счете появилось искушение с помощью новой идеологии и техники переиначить весь мир на «справедливых» началах за счет противника. Россия по-своему отреагировала на тенденции в силу колоссального разрыва между культурами верхов и низов [1, с. 17]. В общем, европейские народы готовы были вести своего рода революционно-освободительную войну. Не чужда была этого поветрия и Россия, причем помимо освобождения от «немецкого засилья» внутри страны она готова была приступить к «освобождению» славянских народов, не говоря уже о «сакральной» цели – завладении проливами (о чем писал еще Ф.М. Достоевский).

По-своему революционной была вся Европа. Но если европейский ре-сентимент в силу возобладания в социалистическом движении реформистских тенденций направился вовне (особенно заметно это было у германских социал-демократов), то в России он был связан с неослабевающим внутренним социальным антагонизмом, который, в свою очередь, усугублялся гетерогенностью культур «верхов» и «низов». Со всем этим можно было бы согласиться, если бы картина «безумия Европы», нарисованная авторами, была бы более полной. Конечно, фантазийно-милитаристский жанр, пышным цветом расцветший в европейских странах – на что обратили особое внимание авторы, – смотрится убедительно, но достаточно ли аргументов только из этой области? И какие качественно новые источники способны усилить убедительность авторской гипотезы?

Представляется, что стоило бы обратить внимание на визуальные источники того времени, о чем давно пишут западные авторы. Российские авторы также обратили внимание на один нецененный у нас источник – почтовые открытки. Так, из недавно изданного уникального их собрания видно, что с конца XIX в. во всей Европе (в меньшей степени в России) происходило лавинообразное накопление международной напряженности и внутренней агрессивности [22, с. 28–123]. Причем заметно, что открытки, в отличие от плакатов, были не только частью целенаправленной пропаганды, но и выступали социально-коммуникативным инструментом самообразования масс в международных делах.

Дух ре-сентимента, действительно, пронизывал всю предвоенную общественную жизнь Европы. Но в результате нынешней искусственной «визуализации» прошлого люди теряют ощущение «духа» истории. Отсюда и сочинения об обилии предреволюционных заговоров, направленных против якобы вполне дееспособной царской власти [23]. Авторы рецензируемой книги, напротив, полагают, что слухи о заговорах – неизбежное порождение вырождающейся патерналистской социальной среды, становящейся беспомощной перед вызовами времени в связи с утратой авторитарно-духовного начала [1, с. 9–10] При этом Булдаков и Леонтьева показывают, что слухи и конспиро-

логические фантазии о всевозможных заговорах множились уже в дореволюционное время, отражая бессилие общества перед лицом кризисных ситуаций [1, с. 394, 412].

После революции количество «заговорщиков» по понятным причинам не могло не вырасти. В советское время домыслы прошлых лет были подхвачены некоторыми публицистами и даже историками (Н.Н. Яковлев); академичные авторы (А.Я. Аврех, В.И. Старцев и др.) не столько опровергли их, сколько подлили масла в огонь. Не удивительно, что в условиях современной нестабильности известные предположения были не просто воспроизведены, но и выступили в качестве «неопровержимых» свидетельств, в который уже раз сконцентрировавшихся на «масонской» теме [1, с. 455].

Но каков был уровень внутренней агрессивности в других воюющих странах, если известно, что шпиономания была общеевропейским явлением? Ведь существует представление, что в европейских странах слухи в значительной степени связаны с недостатком официальной информации. Так ли было в России? В какой степени и насколько возобладало «национальное единение» в разных европейских странах?

Не секрет, что в наше время происходит стремительное отчуждение населения (причем не только в России) от своей реальной истории. Понятно, что в этом в значительной мере повинны СМИ, превращающие человека в пассивного созерцателя «экзотических» картинок из прошлого. Несомненно, это крайне опасная тенденция. И историк обязан так или иначе преодолеть возникающий в связи с этим конспирологический «соблазн».

Авторы рецензируемой монографии справедливо заключают, что нынешние конспирологи вряд ли подозревают, что «в гипертрофированной форме воспроизводят “ученые” предрассудки людей, бездарно растерявших свой авторитет и власть», а также домыслы некоторых иереев, распространявших панические слухи о «темных силах», учинивших революцию [1, с. 497–498]. Православное духовенство (по сути выступавшее основной идеологической опорой самодержавия) в связи с этим не только не выполнило своей охранительной функции, но и, напротив, способствовало (пусть косвенно) деморализации общественной среды.

Вместе с тем «генеалогию» конспирологического мифотворчества стоило бы отследить более тщательно. Кое-что в этом отношении исследователями уже сделано [24, с. 17–21; 25, с. 138–146].

Вероятно, стоило бы отметить еще одну характерную тенденцию в современной отечественной литературе: на месте пресловутых масонов все чаще оказываются «генералы, либералы и предприниматели» [26], которым вроде бы не было иных забот, кроме свержения самодержавия.

В советское время в отечественной историографии сложился своеобразный культ «объективных» данных. Тогда убежденность в неизбежности революции складывалась в признание их системной противоречивости, в результате которой масштабный классовый конфликт выглядел неизбежным.

В постсоветское время по причинам чисто психологического свойства представления об истории складывались «от противного»: все было с точностью наоборот. Конечно, это не из области истории, а из области психологии современности. Как бы то ни было, возникла убежденность, что предвоенная Россия уверенно «прогрессировала». Именно это сыграло с некоторыми исследователями злую шутку: если так, то революция не имела под собой объективных (решающих) предпосылок. Поле деятельности для конспирологов было «расчищено». Реанимация былых «объективных» показателей стало их главным антиреволюционным «аргументом». Теперь можно было записать в заговорщики кого угодно.

Авторы книги легко оставляют современных конспирологов не у дел. Они показывают, что перед революцией на сознание людей решающее воздействие оказывали не «объективные» показатели, а субъективные представления о происходящем, базирующиеся на личном повседневном опыте. Для этого был привлечен громадный массив источников личного происхождения, характеризующий настроения и устремления представителей самых различных слоев населения. Как известно, в прошлом такими источниками, как мемуары, дневники, письма, историки склонны были пренебрегать в силу субъективности изложенных в них представлений о происходящем. Между тем собрание персональных мнений может сложиться в объективную картину агрегированного настроения общества в целом. Именно учет такого настроения всегда помогал и помогает тем или иным политикам – разумеется, если они не из числа безнадежных доктринеров. Увы, в 1917 г. таковые были только в партиях непарламентского типа.

Не секрет, что в отечественной историографии все еще преобладают представления о революции как о некоем политическом процессе, в ходе которого одни политические партии вытесняли других. В. Булдаков, настаивая на понимании революции синергетического процесса, начинающегося с ресентиментных явлений в социальной психике и кончающемся ее фрустрационным «успокоением», выбивает почву из-под ног «политологов». Но поможет ли это нынешней историографии? Что и говорить – писать об «умеренных» партиях и их интеллигентских лидерах, осуждая при этом «неразумность» революции и ужасы Гражданской войны, куда проще.

Авторы книги стремятся показать, что предпосылки революции, будучи производными от объективных социально-экономических процессов, в значительной степени зависели от тех или иных партий, поскольку коренились в «душах людей»: все слои российского общества были недовольны происходящим. Это было именно иррациональное недовольство – основной источник неотрагированной агрессивности. И это потребовало тотального обновления источниковой базы.

Наиболее интересная часть исследования связана с воспроизведением выдержек из перлюстрированных цензурой писем людей всех рангов и словий – от министров и епископов до рядовых рабочих, крестьян и солдат.

Документы такого рода давно известны, но до сих пор исследователи не выстраивали их в единый эмоциональный ряд. Не приходится сомневаться, что всякая авторитарно-патерналистская система «избыточно» эмоциональна. А потому гипотезе авторов, что империя стала «заложником» реактивации примордиалистских эмоций [1, с. 17, 19, 32, 36, 63, 86, 128, 159, 170], не следует удивляться. Русская православная церковь, в свою очередь, не могла противостоять распространению всевозможных (в том числе эсхатологических) предрассудков. Убедительно звучит и одно из заключений: «То, что в России называется политикой, в сущности, является сгустком эмоций, которые пребывают в спячке до того момента, пока не зашатается “всевидящая” власть. И вот тогда активизируются “неведомые” силы, готовые опрокинуть все устои прежнего порядка» [1, с. 344]. Действительно, многочисленные – большевистские и антибольшевистские – политические истории русской революции до сих пор не только не приблизили нас к пониманию ее внутренней динамики, но и увели в сторону от ее реалий.

Еще одно несомненное достоинство книги в том, что показана связь культурных верхов со стихийными процессами, протекавшими в народной толще. В прошлом в работах большинства историков культурная жизнь того или иного периода словно отсутствовала. В так называемых обобщающих коллективных работах ее обычно загоняли в конец книги. Напротив, для Булдакова и Леонтьевой эмоциональные метания представителей высокой культуры куда важнее логических построений политических доктринеров. В контексте их работы данный прием выглядит более чем оправданно. Действительно, если великая русская литература своим морализаторством в известной степени спровоцировала русскую революцию, то более чем естественно разобраться в их настроениях 1917 г. И надо заметить, что при этом представители высокой культуры наиболее остро чувствовали саму природу революционной стихии.

Политический процесс периода Временного правительства изложен в книге – то ли намеренно, то ли в силу утраты профессионального интереса – более поверхностно. Возможно, это связано с тем, что прежний документальный ряд прервался: цитат из перлюстрированных писем уже не было, а новые «письма во власть» (в Петроградский Совет и Временное правительство) принадлежат к иному типу источника, несопоставимого с прежним. Между тем, поскольку авторы ранее подчеркивали гетерогенность культур верхов и низов в России, стоило бы показать, что привело к политическому коллапсу конца 1917 – начала 1918 г. Если либеральные и социалистические элиты исходили из политических практик парламентской демократии, то низы (активно и эмоционально писавшие новым властям) тяготели к традиционной политической культуре. Это и дало возможность большевикам с легкостью «перехватить» власть [1, с. 667].

Выводы. Представление о том, что большевики именно *перехватили* власть у зазевавшихся социалистов (сначала на II съезде Советов, затем на Учредительном собрании), а не *захватили* ее, несомненно, составляет прин-

ципиальный момент всей авторской концепции революции. Похоже, они считают, что российская демократия была обречена, по крайней мере, после корниловского выступления. «Люди – это своего рода неловкие статисты нескончаемого спектакля истории, обреченные постоянно наткаться на ими же воздвигнутые декорации из возвышенных образов и смыслов, – пишут авторы. – Особенно трудно поверить в это рафинированным представителям высокой культуры» [1, с. 608].

Звучит красиво, а потому может показаться убедительным. Но такие заявления следовало бы как-то подтверждать. Можно согласиться, что народная стихия в полном смысле слова прокатилась по стране мимо растерянной русской демократии. В связи с этим – поскольку авторы концентрируются на «тонкой материи» революции – стоило бы выявить, ощущали ли тогдашние либералы и демократы нарастание собственного бессилия. Увы, об этом в книге говорится как-то мимоходом. Между тем следовало бы доказать документально (как ранее это делалось по отношению к самодержавию), что «обреченность правительства Керенского становилась все более очевидной» [1, с. 656]. Вероятно, непроработанность этого момента составляет главную слабость данной книги.

Известно, что Булдаков отличается умением «подать книгу». Но в данном случае он несколько «переборщил» с заголовками и подзаголовками. Так, из двух разделов книги один называется «Война или Россия?», другой – «Россия или революция?» Выглядит интригующе, но оправдано ли в смысловом отношении. Встречаются и другие антитезы: «Демократия или армия?»; «Революция или культура?». И вообще в заголовках и подзаголовках поражает большое количество вопросительных знаков. Вряд ли это оправдано.

В целом, если книга названа «Война, породившая революцию», то следовало бы уделить большее внимание заключительному акту этой драмы. К сожалению, авторы этим пренебрегли. Эта часть книги куда беднее впервые введенными в оборот архивными материалами. Скорее всего, это произошло оттого, что авторы имплицитно были настроены на опровержение конспирологических домыслов, связанных с Февральской революцией. Между тем предрассудки, как людское невежество в целом, многолики. «Конспирология – это не просто индикатор общественной дезориентированности, – отмечают сами авторы в заключении. – Это своеобразный памятник коллективной глупости эпохи, которая начинает внимать заведомым шарлатанам» [1, с. 670]. Если это так, с чем трудно не согласиться, взирая на сегодняшний телеэкран, то надо доводить поставленную задачу до конца. В частности, книга заметно выиграла бы, если бы авторы в той или иной форме проследили за генеалогией конспирологического шарлатанства. В конце концов, если наше историческое воображение упорно не желает верить в «дураков истории», то стоит им для начала показать во весь рост «дураков историографии».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.
- [2] Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2 (31). С. 31–46.
- [3] Булдаков В.П. Истоки и смысл русской революции: взгляд через 90 лет // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 23 (51). С. 3–17.
- [4] Булдаков В.П.. Революция и историческая память: Российские параметры клиотравматизма // Россия и современный мир. 2008. № 2 (59). С. 5–27.
- [5] Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–63.
- [6] Булдаков В.П. Октябрьская революция: иное измерение «катастрофического» прошлого // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2009. № 40. Вып. 3. С. 20–35.
- [7] Булдаков В.П. Пир во время чумы? Деморализация российского общества в предреволюционную эпоху: причины и следствия (1914–1916 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 101–111.
- [8] Булдаков В.П. Феномен российской революции: между мифом и реальностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2005. № 4. С. 24–33.
- [9] Булдаков В.П. Революция и гражданская война как травма исторической памяти // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2007. № 26 (54). С. 98–115.
- [10] Булдаков В.П. Октябрьская революция: современная судьба старых мифов // Русская революция в контексте истории. Томск, 2008. С. 35–43.
- [11] Булдаков В.П. Россия, 1914–1918 гг.: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914 – 1918. М., 2014. С. 11–22.
- [12] Леонтьева Т.Г. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX в. (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 92–114.
- [13] Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России в начале XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43.
- [14] Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002. 256 с.
- [15] Леонтьева Т.Г. Православные подданные и большевистская революция: особенности адаптации к «новому миру» в годы Гражданской войны // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 495–516.
- [16] Леонтьева Т.Г. Православное духовенство и русская революция // К истории русских революций. События, мнения, оценки. Памяти И.И. Минца. М., 2007. С. 582–603.
- [17] Леонтьева Т.Г. Вера и реформы в России: истоки и причины инновационных провалов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2007. № 23. С. 18–56.
- [18] Леонтьева Т.Г. Православный священник, приход, власть и проблема устойчивости российской государственности // Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. М., 2013. С. 693–700.

- [19] *Булдаков В.П.* Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции // *Россия и современный мир*. 2007. № 3 (56). С. 5–27.
- [20] *Булдаков В.П.* Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения // *Вопросы философии*. 2013. № 8. С. 54–65.
- [21] *Гобсон Дж.* Империализм. М., 2009.
- [22] *Первая мировая война на почтовых открытках. Книга 1. От Сараева до Компьена.* Киров/Вятка, 2014.
- [23] *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. М., 2011.
- [24] *Ганелин Р.Ш.* Российский революционный процесс и его историографические судьбы // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии».
- [25] *Островский А.В.* О степени социального расслоения в дореволюционной России // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сб. докладов. СПб., 2012. С. 138–146.
- [26] *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.

История статьи:

Поступила в редакцию: 9 февраля 2017 г.

Принята к печати: 24 марта 2017 г.

Об авторе:

Зверев Василий Васильевич – д.и.н., профессор кафедры истории российской государственности; Российская академия государственной службы при Президенте РФ; Почтовый адрес организации: 119606, Россия, Москва, просп. Вернадского, 84.

“NON-ANNIVERSARY” BOOK

Vasilii V. Zverev

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia, v.v.zverev@bk.ru

The article analyzes the monograph of V.P. Buldakov and T.G. Leontieva “The War that gave birth to the revolution”, which in terms of the content and research focus destroys the prevailing historiographical myths about the Great Russian revolution. After the historical-anthropological deconstruction of the old and new concepts, the authors created a multidimensional and multifaceted research of the problem of psychology of war perception in various strata of the Russian society. The authors examine the war and the revolution as an acute manifestation of global psychopathology, to which came the Enlightenment that resulted in the global cataclysm.

The research approaches are based on the theory of resentment (implicitly accumulated aggression within the “progressive” society). According to the authors, psychopathology of the European world was associated with the demographic boom and enormous development of technology. The “rejuvenation” of the population led to youthful destructiveness in societies. In Russia it was associated with the persistent internal social antagonism, which was exacerbated by the heterogeneity of the cultures of the “top” and “bottom”. Before the revolution people’s minds had been mainly influenced not by “objective” indicators, but subjective ideas of the events based on everyday personal experience. To prove this thesis, the authors used a huge number of personal sources. The most interesting part of the research is connected with the reproduction of extracts from censored letters of people of different ranks and classes.

The authors seek to show that the preconditions of the revolution to a small extent depended on the parties, since the dissatisfaction with what was happening was typical of all strata of society. But whereas the liberal and socialist elites came from the political practices of parliamentary democracy, the lower classes tended to the traditional political culture. This allowed the Bolsheviks to easily “seize” power. This conclusion is a fundamental point of the author’s conception of the revolution.

Keywords: First World War, Great Russian revolution, theory of resentment, government, political parties, the masses

REFERENCES

- [1] Buldakov VP., Leontieva TG. *Voina porodivshaya revolyutsiu* [The war that generated the revolution]. Moscow; 2015 (in Russian).
- [2] Buldakov VP. Rossiiskie smuty i krizisy: vostrebovanost’ sotsial’noi i pravovoi antropologii [Russian turmoil and crises: the relevance of social and legal anthropology]. *Russia and the Contemporary World*. 2001; (2): 31–46 (in Russian).
- [3] Buldakov VP. Istoki i smysl russkoi revolyutsii: vzglyad cherez 90 let [Origins and meaning of the Russian revolution: a look through 90 years]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2007; (23): 3–17 (in Russian).
- [4] Buldakov VP. Revolyutsiya i istoricheskaya pamyat’: Rossiiskie parametry kliotravmatizma [Revolution and historical memory: Russian settings citramalate]. *Russia and the Contemporary World*. 2008; 29(2): 5–27 (in Russian).
- [5] Buldakov VP. Revolyutsiya kak problema rossiiskoi istorii [Revolution as a problem of Russian history]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2009; 1: 53–63 (in Russian).
- [6] Buldakov VP. Oktyabr'skaya revolyutsiya: inoe izmerenie «katastrofichnogo» proshlogo [The October revolution: a different dimension «catastrophic» past]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2009; 40(3): 20–35 (in Russian).
- [7] Buldakov VP. Pir vo vremya tchumy? Demoralisatsiya rossiiskogo obtshetstva v pred-revolutsionnuyu epochu: prichiny i sledstviya (1914–1916 gody) [The feast during the plague? Demoralization of Russian society in the pre-revolutionary era: causes and consequences (1914–1916 years)]. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 2014; 13(8): 101–111 (in Russian).

- [8] Buldakov VP. Fenomen rossiiskoi revolyutsii: mejdu mifom i realnostyu [The phenomenon of the Russian revolution: between myth and reality]. *RUDN Journal of Russian History*. 2005; (4): 24–33 (in Russian).
- [9] Buldakov VP. Revolyutsiya i grajdanskaya voina kak travma istoricheskoy pamyati [The revolution and the civil war as a trauma of historical memory]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2007; 54(26): 98–115 (in Russian).
- [10] Buldakov VP. Oktyabrskaya revolyutsiya: sovremennaya sud'ba staryh mifov [The October revolution: the modern fate of old myths]. *Russkaya revolyutsiya v kontekste istorii* [The Russian Revolution in the Context of History]. Tomsk; 2008: 35–43 (in Russian).
- [11] Buldakov VP. Rossia, 1914–1918 gg.: voina, emotsii, revolyutsiya [Russia, 1914–1918: war, emotions, revolution]. *Rossia v gody Pervoi mirovoy voiny, 1914–1918* [Russia during the First World War, 1914–1918]. Moscow; 2014: 11–22 (in Russian).
- [12] Leontieva TG. Vera ili svoboda? Popy i liberally v glazah krestyan v natchale XX v. (na materialah Tverskoi gubernii) [Faith or freedom? The priests and the liberals in the eyes of the peasants in the early twentieth century (on materials of the Tver province)]. *Revolyutsiya i tchelovek: sotsialno-psihologicheskii aspekt* [Revolution and man: the socio-psychological aspect]. Moscow; 1996: 92–114 (in Russian).
- [13] Leontieva TG. Vera i bunt: duhovenstvo v revolyutsionnom obtshestve v natchale XX veka [Faith and revolt: the clergy in the revolutionary society in Russia in the early twentieth century]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2001; (1):29–43 (in Russian).
- [14] Leontieva TG. *Vera i progress. Pravoslavnoe selskoe duhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – natchale XX vv.* [Faith and progress: Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Moscow; 2002: 256 (in Russian).
- [15] Leontieva TG. Pravoslavnye poddannye i bolchevitskaya revolyutsiya: osobennosti adaptatsii k “novomu miru” v gody Grajdanskoi voiny [Orthodox subjects and the Bolshevik revolution: the peculiarities of adaptation to the “new world” during the Civil war]. *Grajdanskaya voina v Rossii. Sobytiya, mneniya, otsenki* [Civil war in Russia. Events, opinions, assessments]. Moscow; 2002: 495–516 (in Russian).
- [16] Leontieva TG. Pravoslavnoe duhovenstvo i russkaya revolyutsiya [The Orthodox clergy and the Russian revolution]. *K istorii russkih revolyutsiy. Sobytiya, mneniya, otsenki. Pamyati I.I. Mintsy* [To the history of the Russian revolutions. Events, opinions, assessments. In memory of I. I. Mintsa]. Moscow; 2007: 582–603 (in Russian).
- [17] Leontieva TG. Vera i reformy v Rossii: istoki i prichiny innovatsionnykh provalov [Faith and reform in Russia: the origins and causes of innovation failures]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya”* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. 2007; (23): 18–56 (in Russian).
- [18] Leontieva TG. Pravoslavnyi svyatshebnik, prihod, vlast' i problema ustoychivosti rossiiskoy gosudarstvennosti [Orthodox priest, parish, power, and the problem of stability of the Russian state]. *Rossiiskaya gosudarstvennost': istoricheskie traditsii i vysovy XXI veka* [Russian statehood: historical traditions and challenges of the 21st century]. Moscow, 2013:693–700 (in Russian).
- [19] Buldakov VP. Imperiya i smuta: k pereosmysleniyu istorii rossiiskoy revolyutsii [Empire and discord: rethinking the history of the Russian revolution]. *Russia and the Contemporary World*. 2007;(3): 5–27 (in Russian).

- [20] Buldakov VP. Istorik i mif. Perversii sovremennogo istoricheskogo voobrajeniya [Historian and myth. Perversions of the modern historical imagination]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 2013; (8):5–27 (in Russian).
- [21] Gobson Dg. *Imperialism*. Moscow; 2009 (in Russian).
- [22] *Pervaya mirovaya voina na potchtovyh otkrytkah* [World War I on postcards]. Kirov, Vyatka; 2014 (in Russian).
- [23] Nikonov VA. *Krushenie Rossii. 1917* [The collapse of Russia. 1917]. Moscow; 2011 (in Russian).
- [24] Ganelin RCh. Rossiskii revoliutsionnyi protsess i ego istoriograficheskie sud'by [The Russian revolutionary process and the historiographical fate]. *Mejdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Russkaya revoliutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii"*. Sb. Dokladov [Interuniversity scientific conference "The Russian Revolution of 1917: the problems of history and historiography." Collection of reports]. St-Peterburg; 2012, p. 17–21 (in Russian).
- [25] Ostrovskiy AV. O stepeni sotsialnogo rassloeniya v dorevoliutsionnoy Rossii [On the degree of social stratification in pre-revolutionary Russia]. *Mejdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Russkaya revoliutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii"*. Sb. Dokladov [Interuniversity scientific conference "The Russian Revolution of 1917: the problems of history and historiography": Collection of reports]. St-Peterburg; 2012, p. 138–146 (in Russian).
- [26] Airapetov OR. *Generaly, liberally, i predprinimateli: rabota na front i na revoliutsiyu. 1907–1917* [Generals, liberals and entrepreneurs: work for the front and for the revolution. 1907–1917]. Moscow; 2003 (in Russian).

Article history:

Received: 9 February 2017

Revised: 24 March 2017

Accepted: 24 March 2017

About the author:

Vasilii V. Zverev, Dr. in History, Professor of the Department of Russian statehood history at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Postal address of the organization: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119606, Russia.